

Таким образом, можно говорить о том, что социальная коммуникация в поликультурном обществе осуществляется через своеобразный культурный фильтр. Этот фильтр действует особым образом – любая абсолютно истинная информация становится непринятой в силу разновекторности культурных картин мира, а ложная информация может быть по этой же причине принятой. В связи с этим важно выявлять особенности культур коммуникаторов для осуществления правильной и истинной коммуникации и недопущения блокировки канала информации культурным фильтром, кроме того, важно и актуально на сегодняшний день – поиск средств, методов, технологий, которые бы позволяли правильно работать каналам социальной коммуникации и ослаблять работу культурных фильтров.

1. Викулова, Л. Г. Основы теории коммуникации : практикум / Л. Г. Викулова, А. И. Шарунов. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : Восток-Запад, 2008. – 316 с.

2. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Гусман. – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2013. – 192 с.

УДК 069:351.853

Л. В. Ландина,

*доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
историко-культурного наследия учреждения образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»,
г. Минск, Беларусь*

МУЗЕЙ КАК СРЕДСТВО ПОСТИЖЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО (концепция Д. Лоуэнталя)

Аннотация. Охарактеризована роль музея как одного из средств конструирования, презентации и адаптации прошлого в социокультурном дискурсе. Указанные вопросы нашли отражение в фундаментальной работе «Прошлое – чужая страна» американского историка и географа, признанного специалиста по охране историко-культурного наследия Дэвида Лоуэнталя (1923–2018). Интерпретация Лоуэнталем роли музея и актуализации историко-культурного наследия как своего рода «культурной индустрии» для достижения целей современности открывает новые ракурсы исследований не только в области

музееведения и охраны историко-культурного наследия, но и в осмыслении культуры памяти, исторической политики и т. д.

Ключевые слова: музей, охрана историко-культурного наследия, прошлое, историческая память, конструирование исторического нарратива, Д. Лоуэнталь, «Прошлое – чужая страна».

L. Landina,

Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Historical and Cultural Heritage Department of the Educational Institution "Belarusian State University of Culture and Arts", Minsk, Belarus

MUSEUM AS A MEANS OF COMPREHENSION AND CONSTRUCTION OF THE PAST (CONCEPT BY D. LOWENTHAL)

Abstract. The article characterizes the role of the museum as one of the means of constructing, presenting and adapting the past in sociocultural discourse. These problems are reflected in the fundamental work "The Past is a Foreign Country" by David Lowenthal (1923–2018), the American historian and geographer, the expert in the historical and cultural heritage protection. Lowenthal interprets the role of the museum and the actualization of historical and cultural heritage as a kind of "cultural industry" to achieve the goals of our time. It opens up new research angles not only in the field of museology and the protection of historical and cultural heritage, but also in understanding the culture of memory, historical policy, etc.

Keywords: museum, protection of historical and cultural heritage, past, historical memory, constructing a historical narrative, D. Lowenthal, "The Past is a Foreign Country".

Прообразом музея было хранилище вотивных (т. е. посвященных богам) предметов, параллельно правящей элитой аккумулировались ценности, рассматриваемые со статусных, финансовых, мемориальных и сакральных позиций. Качественные изменения в восприятии коллекций и собраний произошли в эпоху Ренессанса, когда живописцы и скульпторы стали восприниматься как уникальные творцы, вдохновленные Богом. Отсюда – желание элиты не только собирать предметы искусства, но и материально поддерживать художников.

Новый этап в формировании социальной функции музея был обусловлен рационализмом классической науки и доктринами Просвещения. То, что хранится в кабинетах, кунсткамерах и галереях, должно быть показано людям в образовательных и воспитательных целях – таков был тезис, на основании

которого частные собрания стали более доступными для посетителей. Параллельно шел процесс рационального осмысления исторических знаний и становления истории как науки.

В середине XIX в. история уже характеризуется построением схем и системным подходом, научной аргументацией и опорой на источники. После наполеоновских войн, с ростом национальных движений в европейских странах повсеместно создавались музеи, пропагандирующие национальную историю и культуру [3, с. 79–81]. Наступил этап создания музеев как институтов памяти для конструирования национальных историографий. Так, первый на территории Беларуси историко-археологический музей был создан братьями Тышкевичами в 1842 г. [4, с. 99]. Таким образом, музей стал социальным институтом, имеющим в числе своих главных задач утверждение национальной государственности и культуры.

В начале XX в., в свете неокантианства, с одной стороны, а с другой, – психоанализа, в гуманитарном дискурсе возникает естественный вопрос об осмыслении информации познающим субъектом. Как люди воспринимают и понимают прошлое? Какие социальные функции выполняет память, как можно ее использовать? С названных позиций закономерно появление фундаментальной работы Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти», где рассмотрен феномен коллективной памяти и ее социальной роли [8]. Исследовательское поле М. Хальбвакса получило дальнейшую разработку в трудах Пьера Нора, автора фундаментальных понятий – «место памяти» и «коммеморация» [7]. При этом музей имманентно является одновременно и институтом памяти, и «местом памяти».

Осмыслению коллективной памяти как исторического феномена, средства сохранения идентичности, инструмента создания исторического нарратива, а также возможных способов отработки национальных травм посвящены работы Яна и Алейды Ассман [1; 2]. Наконец, Поль Рикер в масштабном труде «Память, история, забвение» продемонстрировал, насколько неоднозначным может быть использование коллективной памяти. Действительно, что нужно помнить и что нужно забыть? Как это создается и действует? Неслучайно Рикер подчеркивал, что его «не перестает волновать положение дел, когда в одном случае слишком увлекаются вопросами памяти,

а в другом – забвения и ни слова не говорят о значении поминания и злоупотребления памятью и забвением. Идея о политике справедливой памяти является в этом случае одной из главных тем...» [6, с. 9]. В русскоязычных работах по культурологии всеобъемлющее исследование, соединяющее феномен прошлого в культуре и коммеморацию, принадлежит российской исследовательнице М. Л. Шуб [9].

В книге американского историка, географа, специалиста в области историко-культурного наследия Дэвида Лоуэнтала «Прошлое – чужая страна», феномены коллективной памяти и коммеморации рассмотрены в непривычном ракурсе. А именно: что есть прошлое, почему люди любят в него возвращаться, как они это делают, что получается в результате, и, наконец, какое место в этом занимает музей и музейная экспозиция?

Почему прошлое стало «чужой страной», ведь, по мнению Д. Лоуэнтала, еще до эпохи Просвещения оно было чем-то близким и понятным? Лоуэнталь указывает на целую группу причин «отчуждения» прошлого. Это научная революция, открытие других стран и народов с пониманием их непохожести на европейские, рост книгоиздания, включение в оборот большого количества источников, а также утрата веры в «божественным образом» устроенный и единообразный ход истории. «Осознание того, что прошлое отлично от настоящего, что люди в другие времена и в других местах живут и действуют иначе, фрагментировало время и исключало единообразие. Прошлое стало сочетанием различных областей, каждая из которых обладала собственными мотивами и механизмами. История стала полностью непредвиденной, беспрецедентной, непредсказуемой», – подводит итог Лоуэнталь [5, с. 5–6].

Почему люди так любят обращаться к прошлому, хотя совершенно ясно, что его невозможно вернуть, что мы имеем дело с артефактами и останками, а наши современники, очутившись в реалиях прошлого, наверняка были бы шокированы увиденным? Стремление очутиться в неведомых странах и эпохах, уйти от реальности, желание изменить уже произошедшее, найти ответы на вопросы, удовлетворить любопытство – вот неполный перечень причин, приводимых Лоуэнталем. При этом в прошлом желательно не только очутиться, его нужно понять и «приручить». Последнее достигается через

осмысление такого понятия, как «наследие» в самом широком смысле этого слова. В XIX в., в эпоху создания национальных историографий и государств, «прошлое постепенно перестают рассматривать как источник назидательных уроков и начинают ценить ради него самого, как наследие, которое придает силу, утверждает и возвеличивает настоящее. И эта новая роль усиливает стремление сохранить реликты и восстановить памятники как символы коллективной идентичности, преемственности и надежды» [Там же, с. 13].

Лоуэнталь уделяет значительное внимание сохранению, экспонированию и восприятию того, что он называет «реликвиями». Музей – это место, где «реликвии» предстают перед зрителем сквозь призму ряда изменений в восприятии, т. е. «от идентификации, показа и охраны... к перемещению, приукрашиванию и реадaptации» [Там же, с. 13]. При этом цель экспозиции и воля ее авторов ключевые: «В музеях древности помещены в стеклянные витрины, покоятся на специальных подушечках и подсвечены прожекторами. Реликвии *in situ* (на месте нахождения – прим. автора) высвобождены от всех окружающих препятствий. Программы *son-et-lumiere* (звук и свет – прим. автора) драматизируют прошлое и вычленяют его из близлежащих напластований и современных толкований. Допустимые тип и степень изменений диктуются культурными нормами, определяющими как следует выставлять реликвии» [Там же, с. 416]. Совершенно неслучайно и правомерно Лоуэнталь указывает: «Взаимодействие с наследием – сознательное или случайное – постоянно изменяет его природу и контекст» [Там же, с. 407]. Таким образом, музей предстает как мощное средство конструирования смыслов не только самого предмета «реликвии», но и прошлого, с ним связанного, причем этот процесс социально детерминирован, бесконечен и разнообразен.

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика [Электронный ресурс] / Алейда Ассман. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=47595&p=13. – Дата доступа: 22.12.2023.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).

3. *Грицкевич, В. П.* История музейного дела конца XVIII – начала XX в. / В. П. Грицкевич ; С.-Петербург. ун-т культуры и искусств. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : СПбГУКИ, 2007. – 335 с.

4. *Ландзіна, Л. У.* Мемарыялізацыя навуковай спадчыны братоў Тышкевічаў у Беларускам дзяржаўным універсітэце культуры і мастацтваў / Л. У. Ландзіна // Гісторыка-культурная спадчына магнацкага роду Тышкевічаў у кантэксце візуальнай культуры: IX Тышкевіцкія чытанні, Валожын, 15 верас. 2022 г. : зб. навук. арт. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; А. І. Смолік (адк. рэд.), В. М. Сакалова. – Мінск, 2022. – С. 95–104.

5. *Лоуэнталь, Д.* Прошлое – чужая страна / Дэвид Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Владимир Даль : Русский Остров, 2004. – 622, [1] с.

6. *Рикер, П.* Память, история, забвение : пер. с фр. / П. Рикер. – М. : Изд-во гуманит. литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).

7. *Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. конс. пер. Н. Копосов.* – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 328 с. – (Новая петербургская библиотека: Коллекция «Память века»).

8. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с. – (А).

9. *Шуб, М. Л.* Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / М. Л. Шуб ; Челяб. гос. ун-т культуры. – Челябинск, 2018. – 43 с.

УДК 792.03+82-292(517.4)

Ли Жуй,

*соискатель ученой степени кандидата наук
учреждения образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств», г. Минск, Беларусь*

РАЗВИТИЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

Аннотация. Начиная с XXI в., театр Внутренней Монголии представил целый ряд выдающихся драматических произведений на основе реальных исторических событий. Они отличаются актуальной для своей эпохи тематикой и уникальными чертами национальной культуры, а также обладают особой эстетической манерой, которая формирует художественный стиль и характерные особенности, объединяющие национальный и региональный колорит.